

шла из комнаты, чтобы успокоить ее. «*Который час?*» — спросил он меня. «*Второго половина*», — ответила я. Доктор посоветовал ему повернуться, чтобы его могло легче вытошнить, поскольку он лежал на правом боку, а тазик находился слева. Он поворачивается, наклоняет голову и начинает тотчас же хрипеть. «*Боже мой, что это такое?*» — вскрикнула испуганная Александрина. «*Это обморок*, — ответила я ей, — не шуми, это пройдет». Я была убеждена в этом, вспомнив похожий обморок, случившийся с моей няней, как она хрипела, потеряв сознание, но, придя в себя, выздоровела. Воспоминание придало мне силы, которые, казалось, все потеряли; я велела доктору дать ему подышать какой-нибудь соли, потеряв виски, будучи твердо убеждена, что он придет в себя. Он перестал хрипеть, наступила тишина, все казались озадаченными. «*Дышит ли он еще?*» — спросила Александрина. «*Надеюсь, что дышит*, — ответила я нетерпеливо, — я говорю тебе, он в обмороке, слишком слаб, чтобы перенести такую дрожь». Александрине стало плохо, я отвела ее в кабинет тети, уложила и тотчас же вернулась. Стояла пугающая тишина. «*Господи, Боже мой, дай мне услышать его вздох*», — сказала я про себя, глядя на икону Богородицы, которая была в комнате, и, не смея дышать, прислушалась к тишине. Он приподнялся немного и испустил глубокий и долгий вздох, я перекрестилась из чувства признательности и в надежде увидеть, что он откроет глаза. Больше я ничего не слышала. Лица врача и слуги изменились от испуга, и, вне себя, я заподозрила, уж не последнее ли дыхание его я слышала. «*Дышит ли он?*» — закричала я в свою очередь. Никакого ответа. Я повторяла свои вопросы, но им не хватало мужества ответить мне. «*Во имя Неба, ответьте мне*», — сказала я доктору. «*Посмотрите сами*» — ответил он, подставляя мне руку дяди, чтобы я пощупала пульс. Я взяла ее, эту дорогую руку, я ее поцеловала, она была еще теплой, но биение пульса прекратилось. Я прикоснулась губами к его губам и не почувствовала дыхания. Какой момент! Великий Боже! Я окаменела, все чувства, казалось, исчезли; я смотрела поочередно то на дядю, то на тех, кто его окружал, видела их боль, но она была мне совершенно непонятной. «*Тетинька вас зовет*, — сказала мне женщина, прибежав из комнаты, — она беспокоится, что давно к ней не приходили». Эти немногие слова привели меня в себя. Что я ей скажу? Когда я предположила, что дядя в обмороке, то задержалась пойти к ней, опасаясь ее напугать; он придет в себя, думала я, и тогда я пойду к тете; а теперь какой удар я ей нанесу. Я застыла на месте, потом подошла к дядиной постели, как бы спрашивая у него, что делать. «*Сударыня!* — закричали мне несколько женщин. — *ради Бога, подите к тетиньке*». Я побежала. «*Ему дурно?*» — вскрикнула она вне себя, едва меня увидев. «*Нехорош он, тетинька*, — сказала я ей, с трудом